

УДК 811.161.1'366-112
ББК 81.411.2-0

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ АПОКРИФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е.Г. Дмитриева

В статье с использованием комплексного подхода к анализу языковых единиц рассматриваются особенности употребления глаголов эмоций в древнерусском апокрифе «Видение апостола Петра». Выявлены закономерности в употреблении глаголов эмоций. Показана взаимосвязь системных, функциональных и лингвокультурологических характеристик слова в древнем тексте.

Ключевые слова: глаголы эмоций, лексическая семантика, семантическая структура, диахрония, апокриф.

Изучение функционирования эмотивной глагольной лексики в древнерусском апокрифическом тексте, отражающем концептуализацию в языке и речи связанных с христианским мировоззрением представлений о сложном психологическом феномене – эмоциональности, плодотворно на основе комплексного подхода, разработанного в трудах С.П. Лопушанской [2, с. 7–15]. При комплексном изучении языковых единиц анализу подвергается их внутренняя системная организация, парадигматические и синтагматические отношения с другими единицами, особенности их функционирования в речи с учетом особенностей мировосприятия носителей языка той или эпохи [1, с. 7]. Значимым для выявления закономерностей функционирования глагольной лексики в древнерусском тексте является разграничение понятий семантической структуры слова, сложившейся в языке, и смысловой структуры словоформы, функционирующей в контексте [5, с. 80].

Определяя предмет нашего исследования, мы используем термин «эмотивная лексика» вслед за Л.Г. Бабенко и подразумеваем под ним совокупность эмоциональной лексики, выражающей эмоции, и лексики эмоций, обозначающей эмоциональные переживания. При анализе древнерусских текстов под эмо-

тивными глаголами в работе понимаются глаголы, обозначающие эмоциональные переживания и их проявления и реализующие категориально-лексическую сему ‘эмоциональное переживание’.

Среди эмотивных глаголов в системе языка нами выделяются: а) глаголы, обозначающие процесс эмоционального переживания; б) глаголы, обозначающие следствие эмоционального переживания; в) глаголы, обозначающие эмоциональное воздействие.

По признаку ‘отнесенность эмоционального переживания к сфере субъекта/объекта’ глаголы, обозначающие эмоциональное переживание и следствие эмоционального переживания как процесс, отнесенный к сфере субъекта, противопоставлены глаголам эмоционального воздействия, обозначающим эмоциональное переживание как процесс, отнесенный к сфере объекта.

Значимыми являются следующие признаки в семантической структуре эмотивных глаголов: ‘характер субъекта’ (одушевленный/неодушевленный; конкретный/абстрактный), ‘характер объекта’ (одушевленный/неодушевленный; конкретный/абстрактный), ‘характер обозначаемой глаголом эмоции’. Эмоции мы подразделяем на положительные, отрицательные и нейтральные. Кроме того, релевантной является степень интенсивности эмоционального переживания – высокая, средняя, низкая. Выявленные компоненты значения могут выражаться корневой мор-

фемой, а могут актуализироваться средствами контекста [3, с. 14–15].

Объектом нашего исследования являются глаголы эмоций, функционирующие в тексте одного из малоизученных с лингвистической точки зрения памятников – апокрифе «Видение апостола Павла». Он датируется III в. н. э., авторство приписывается самому апостолу Павлу. Существует несколько редакций апокрифа: латинская, греческая, сирийская и русская. На Руси он был известен уже к XIV веку. По мнению Л.М. Хачатурян, русский текст весьма близок к греческой редакции. Основные различия наблюдаются в тех местах апокрифа, которые на Руси были использованы для составления поучений. В русских списках не рассказывается об истории нахождения апокрифа, в отличие от греческой редакции, где говорится, что некоему благочестивому человеку, жившему в Тарсе, явился ангел и открыл, что в фундаменте его дома лежит шкатулка с рукописью «Видения апостола Павла». Однако в греческой редакции не упоминается о жалобах Земли на беззакония людей. Как предполагают исследователи, в русской редакции тема жалоб природы на греховность людей могла развиваться вполне самостоятельно, так как известно, какую большую роль играл культ природных сил в славяно-русском обществе периода двоеверия [9, с. 528].

По своей жанрово-тематической природе рассматриваемый текст относится к кругу неканонических произведений, посвященных описанию иного мира («Книга Еноха», «Видение Исайи»), герои которых оказываются свидетелями сокровенных тайн, открывающихся им по воле Бога. Апокрифы содержат красочные описания того, как избранные Божии чудесными способами попадают на небо – в рай или ад, – и того, что они там наблюдают. Как отмечает В.В. Мильков, апокрифы «визионерского» плана в яркой образной и впечатляющей форме изображали недоступную обыденному опыту реальность и являлись основным источником сведений об ином мире. В них конкретизировались христианские воззрения на посмертную судьбу людей, о которой в Писании сказано слишком общо. Несмотря на определенные взаимные противоречия, именно такие апокрифы форми-

ровали у наших предков представления о загробном мире, отразившиеся в многочисленных живописных сюжетах, изображающих ад, рай, мытарства и муки [6, с. 583].

Эмоциональная палитра «Видения апостола Павла» построена на контрастном противопоставлении двух основных чувств – радости и печали.

Рассматривая *радость* в ряду «констант» русской культуры, Ю.С. Степанов отмечает, что этот концепт плохо описан в русской и мировой культуре вообще, и определяет первичное значение старославянского и древнерусского *радъ* как «готовый к благодетю – его совершению или восприятию» [8, с. 309]. В.В. Колесов указывает на то, что в древнерусских текстах *радость* представлена как благодать, исходящая от Бога [4, с. 239].

Прямые номинации радости, представленные в тексте «Видения», не отличаются разнообразием: в подавляющем большинстве случаев используется лексема **радоватисѧ**.

Этот глагол в древнерусском языке имел значение «радоваться, веселиться» (СлРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 123), которое реализуется и в рассматриваемом тексте, например: **и приде на стрѣтѣнне ѿ ангѣлъ. хранивъ ю по всѧ днѣ. и рече(ѿ) еи моужансѧ дше. а(з) бо ра(д)уосѧ ѡ тебе**, (ВАП, л. 233 об.). Будучи употребленным в таком значении, глагол **радоватисѧ** реализует семантический признак ‘процесс эмоционального переживания’, процесс является состоянием, относящимся к сфере субъекта, а переживание – длительным положительным чувством, характеризующимся средней степенью интенсивности; субъект является одушевленным, конкретным.

Для обозначения эмоционального переживания радости может также употребляться глагол **веселитисѧ**: **всакъ бо и(ж) веселит сѧ ѡ бгѣ** (ВАП, л. 240). Данная лексема синонимична глаголу **радоватисѧ** и зафиксирована в словарях в значении «веселиться, радоваться» (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111). В этом значении она реализует семантический признак «процесс эмоционального переживания»: процесс является состоянием, относящимся к сфере субъекта, а переживание – положительным чувством, характеризующимся средней степенью интенсивности; субъект – одушевленным, конкретным.

Сопоставление приведенных примеров употребления глаголов **радоватисѧ** и **веселитисѧ**, управляющих именем в форме местного падежа с предлогом *о*, показывает, что *радость* как личное чувство, которое «переживаешь только ты сам» [4, с. 239], противопоставляется *веселью* как чувству коллективному: субъект глагола **радоватисѧ** выражен местоимением – **а(з)** («я», то есть один), а глагола **веселитисѧ** – словоформой **всѧкъ** («всякий», то есть все).

По сравнению с радостью чувство печали в тексте «Видения» представлено более разнообразно, оно обозначается глаголами, указывающими на внешнее проявление эмоций, – **плакати**, **рыдати**, **плакатисѧ**, **възплакатисѧ**.

В рассматриваемом тексте лексемы **плакати** и **рыдати** характеризуются парным употреблением: **тако(ж) и вси и(ж) плаую(т) и рыдаю(т)** (ВАП, л. 231); **се дрѣзнии англѣи приидоша, пре(д) престолѣ би и въ врѣмѣ поклонниѧ. иж плакахѣ и рыдахѣ** (ВАП, л. 231 об.) и др.

В древнерусском языке основным для лексемы **плакати** было значение «плакать» (СлРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 70). В этом значении она репрезентирует процесс – следствие эмоционального переживания – и, будучи глаголом действия, номинирует внешнее проявление отрицательной эмоции, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта.

Глагол **рыдати**, выступая в основном значении «рыдать, плакать» (СлРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 273), также мог описывать внешнее проявление отрицательной эмоции, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта.

Сведения этимологических словарей позволяют установить древнейшее на славянской почве значение глагола *плакать* – «бить себя в грудь (в испуге, в скорби и т. п.)» (Черн., т. 2, с. 38), а также увидеть звукоподражательную основу корневой морфемы глагола *рыдать* [первоначально и.-е. **reue* (то же, что и в глаголе *реветь*) «реветь», «вопить», «испускать хриплые звуки», «брюзжать»] (Черн., т. 2, с. 130). Древнейшую семантику корня – «реветь, выть (о животном)» – глагол **рыдати** сохраняет и в старейших славянских текстах, о чем свидетельствуют иллюстрации его значений в ис-

торических словарях (см., например: СлРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 273).

Словарные материалы позволяют увидеть некоторую двойственность основного значения глагола **плакати**: в его описании синкретически соединяются «плакать (заплакать)» и «горевать, скорбеть» (СДР, VI, с. 410); «плакать», «сетовать» и «горевать» (СлРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 70), то есть в тексте он может быть использован для описания и внешнего проявления эмоции, и внутреннего переживания самого чувства. По-видимому, этим обуславливается сочетание глаголов **плакати** и **рыдати** на основе соединительной связи. В таких случаях мы имеем дело не с речевой избыточностью, а с представлением внутреннего переживания и его внешнего проявления в единстве. То обстоятельство, что подобное сближение находим и в других памятниках письменности, например: **Она же [Мария Магдалина] шедши възвѣсти бывшимъ съ нимъ плаущемъ са и рыдаущемъ** (Марк. XVI. 10) Остр. ев., 204 об. 1057 г.; **Всего дѣла плаую и рыдаю, разумѣвъ хотѣщюму быти**. Патерик Син., 106. XI в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 273), – позволяет говорить об устойчивой речевой формуле.

Подобную семантическую связь (внутреннее переживание – внешнее проявление) находим и в парном употреблении глаголов **възплакатисѧ** и **възстенати**: **а(з) же пакы възплака(х)сѧ и въстна(х)** (ВАП, л. 243). Приставочные производные со значением начинательности, образованные от **плакатисѧ** и **стенати** соответственно, сохраняют основное значение бесприставочных производящих.

В древнерусском языке лексема **плакатисѧ** имела сходное с глаголом **плакати** синкретичное основное значение – «плакать», «сетовать» и «горевать» (СлРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 71) – и могла использоваться для характеристики как внутреннего мира человека, так и окружающей его действительности.

Глагол **стенати** употреблялся в значении «стонать, рыдать» (Срезн., т. 3, стб. 511) и мог репрезентировать процесс, являющийся следствием как эмоционального переживания, так и физического воздействия. Будучи глаголом действия, обозначавшим внешнее проявление отрицательной эмоции, он относился к сфере конкретного, одушевленного субъекта.

Помимо обозначения действий, ориентированных на внешний мир, глаголы **ръдати** и **възстенати** сближает и высокая интенсивность описываемой эмоции (в отличие от **плакати** и **плакатисѧ**, передающих эмоции средней интенсивности).

С глаголами **възплакатисѧ**, **плакати** и **плакатисѧ** могли употребляться лексемы, обозначающие и сниженную интенсивность проявления эмоционального переживания: **а(з) же слыша(ѡ) си въз(д)оухнѣ(х)**. и **въсплака(х)сѧ** (ВАП, л. 241 об.–242).

Основным для глагола **въздоухнѣти** (**воздоухнѣти**) являлось значение «сделать вдох»: **Үтроба го затеуе, и не може въздоухнѣти**. Ж. Кир. Б., 85. XVII в. ~ XVI в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 148), в котором он может быть отнесен к лексико-семантической группе глаголов физиологического действия. Наряду с указанными, словарь фиксирует и значение «вздохнуть, опечалившись»: (1185): **Святославъ же то слышавъ и вельми въздоухнѣвъ, ѹтеръ слезъ своих и реуе**. Ипат. лет., 645. (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 148). В этом случае анализируемый глагол реализует семантический признак «процесс, являющийся следствием эмоционального переживания» и обозначает внешнее проявление отрицательной эмоции низкой интенсивности, которая относится к сфере конкретного, одушевленного субъекта.

На особую значимость интенсивности переживания для древнего автора указывает фрагмент, построенный по принципу градации: **и видѣ(х) ѧ въз(д)оухно(ѹ)ша, и плающасѧ. и възопиюща помилѣ(ѹ)и нѣг(ѣ)и** (ВАП, л. 241 об.). Ряд **въздоухнѣти**, **плакатисѧ** в данном контексте дополнен лексемой **възопити** «закричать, воскликнуть» (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 302), относящейся к глаголам речевой деятельности и обозначающей в приведенном контексте внешнее проявление отрицательной эмоции высокой интенсивности. Подобное построение предложения позволяет передать нарастающую силу эмоции, переживаемой персонажами.

Эмоции радости и печали образуют устойчивое противопоставление, прослеживающееся на разных этапах развития сюжета. Так, ангелы радуются, видя людскую доброту, и печалются, наблюдая, как люди

отстают от божественных заповедей; душа праведника обретает радость, а душа грешника погружается в пучину скорби; радостью наполнено изображение Рая, тогда как голоса мучающихся в Аду грешников сливаются в едином вопле рыдания.

Однако в апокрифе лексемы **радоватисѧ** и **въсплакатисѧ**, обозначающие соответственно положительное и отрицательное эмоциональные переживания, могут употребляться в одном контексте, обозначая переживание одного и того же персонажа: **и видѣ(х) нсаю приш(д) целов(а) ма. ра(д)ѹисѧ целовав же ма и ѡвращесѧ, и възплака реуе** (ВАП, л. 238 об.). Таким образом автору удается передать крайнюю степень душевного волнения героя.

А.Н. Робинсон отмечает: «Плач со слезами был непременным условием искреннего покаяния... Постоянные описания плача тесно связаны с традиционной фразеологией и символикой» [7, с. 218]. Именно слезы в апокрифе выступают основой для сопереживания: **нѣѣ же плаутесѧ и а(з) плаю(ѣ) с вами** (ВАП, л. 247). Плач, являясь внешним проявлением отрицательных эмоций – печали, скорби, отчаяния, – становится положительной характеристикой раскаявшегося персонажа. В анализируемом тексте и в целом в православной культуре плач противопоставлен смеху как атрибуту неверия, отступления от веры: **вни(ж) смѣхѹсѧ словесе(м) мон(ѡ)** (ВАП, л. 249 об.–250).

Итак, анализ употребления глаголов эмоций в тексте апокрифа «Видение апостола Павла» позволило установить некоторые закономерности функционирования рассматриваемых языковых единиц.

Во-первых, эмотивные глаголы организуют повествование, образуя контрастные противопоставления. Так, в целом в тексте «Видения» складывается оппозиция: радостное, связанное с небесным, Божественным, и печальное, связанное с мирским, грешным. Печаль герои апокрифа переживают в их земной жизни и получают радость в жизни небесной. Исключение составляют грешники, отказавшиеся от благочестивой жизни и поэтому не заслужившие божественной радости. Созерцание их грехов и последующих мучений в Аду вызывает чувство глубокой печали.

Во-вторых, в тексте противостоящие лексемы со значениями «радоваться» («веселиться») и «печалиться» («плакать»), представляющие поощряемые чувства, оказываются вовлеченными в оппозицию с лексемой, обозначающей смех (**смѣѣтисѣ**) как нечто непоощряемое или даже недопустимое. Таким образом, существующая в языке оппозиция положительные – нейтральные – отрицательные эмоции в тексте дополняется лингвокультурологическими характеристиками: в зависимости от выбранной системы координат – психологической (удовольствие/неудовольствие) или морально-этической (поощряемое/недопустимое) – оценка переживаний меняется.

В-третьих, в апокрифе реализуется характерная черта древнего текста – употребление в одном контексте близких по значению глаголов эмоций, образующих своеобразные речевые формулы. Обращение к этимологии слов и рассмотрение парадигматических связей данных языковых единиц в лексической системе древнерусского языка позволяет интерпретировать такие сочетания не как тавтологический повтор, а как соединение внутренних и внешних характеристик эмоционального переживания, помогающее читателю верно разобраться в сути изображаемого, способствующее созданию особой христианской эмоционально-нравственной атмосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбань, О. А. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте / О. А. Горбань. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 332 с.
2. Горбань, О. А. Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы / О. А. Горбань, Е. М. Шептухина // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 7–15.
3. Дмитриева, Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском языке / Е. Г. Дмитриева // Вестник Волгоградского го-

сударственного университета. – Сер. 2, Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 14–19.

4. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3. Бытие и быт / В. В. Колесов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 400 с.

5. Лопушанская, С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола / С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. – 114 с.

6. Мильков, В. В. Хожение Богородицы по мукам / В. В. Мильков // Мильков, В. В. Древнерусские апокрифы / В. В. Мильков. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. – С. 582–583.

7. Робинсон, А. Н. Комментарий / А. Н. Робинсон // Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 210–360.

8. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

9. Хачатурян, Л. М. Видение апостола Павла / Л. М. Хачатурян // Мильков, В. В. Древнерусские апокрифы / В. В. Мильков. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. – С. 528–529.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ВАП – Видение апостола Павла // Мильков, В. В. Древнерусские апокрифы / В. В. Мильков. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. – С. 530–560.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 552 с.

СДР – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. – М. : Русский язык, 1988–2008. – Т. I–VIII.

СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.

Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003.

Черн. – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 2002.

**FUNCTIONING OF VERBS OF EMOTIONS
IN THE OLD RUSSIAN APOCRYPHAL TEXTS**

E. G. Dmitrieva

The article deals with the features of the using of the emotive verbs in the Old Russian apocryphal story "The Apostle Peter's Vision". The basic tendencies in the functioning of the verbs emotion have been described in the process of multi-aspectual investigation; the relationship of system, functional and lingvoculturological characteristics of words in an old text have been brought to light.

Key words: *emotive verbs, lexical semantics, semantic structure, diachrony, apocryphal story.*